

Д. Ф. УСТИНОВ

Во имя Победы

<Фрагменты>

<...>

Что касается И. В. Сталина, то должен сказать, что именно во время войны отрицательные черты его характера были ослаблены, а сильные стороны его личности проявились наиболее полно. Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом. Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он многое доверял членам Политбюро ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений.

При всей своей властности, суровости, я бы сказал, жесткости он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивавшая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло.

Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к кому-либо из присутствующих: «А что вы думаете по этому поводу?» или «А как вы относитесь к такому предложению?». Причем характерный акцент делался именно на сло-

ве «вы». Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояли нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа.

Нередко на заседаниях, в ходе обсуждения острых проблем он ссылался на В. И. Ленина, не раз рекомендовал нам почаще обращаться к его трудам. Ленинские идеи лежат в основе многих принятых ГКО в годы войны важнейших решений. Ленинская тональность явственно ощущается и в ряде выступлений И. В. Сталина предвоенных и военных лет.

Следует, видимо, упомянуть и о том, что на заседаниях и совещаниях, которые проводил И. В. Сталин, обсуждение вопросов и принятие по ним решений осуществлялись нередко без протокольных записей, а часто и без соответствующего оформления решений. Случалось, что кому-то из участников совещания или заседания поручалось подготовить предложения, переработанные с учетом состоявшегося обмена мнениями, и представить на подпись.

Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И. В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное. Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их.

<...>

Объем такого производства уже тогда был весьма значительным. Но обстановка требовала увеличить выпуск вооружения, прежде всего артиллерийских систем. Постоянное внимание этому вопросу уделял Центральный Комитет партии. Его решение лично контролировал И. В. Сталин. Он неоднократно подчеркивал огромную роль в войне артиллерии. «Если мы с вами заглянем в историю, — говорил И. В. Сталин в 1937 году, — то увидим, какую важную роль во всех войнах играла артиллерия... Чем побеждал Наполеон?

Прежде всего артиллерией. Чем в 1870 году под Седаном были разгромлены французы? По преимуществу артиллерией. Для успеха войны исключительно ценным родом войск является артиллерия. Я хотел бы, чтобы наша артиллерия показала, что она является первоклассной». Свежи были в памяти и слова И. В. Сталина, сказанные при подведении итогов советско-финляндского вооруженного конфликта. Тогда он назвал артиллерию богом войны.

<...>

Как-то поздней ночью в конце июля я возвратился с одного из заводов. Только зашел в кабинет, как в дверь заглянул И. А. Мирзаханов. Коммунист с дореволюционным стажем, Илларион Аветович был ветераном промышленности вооружения, возглавлял крупные заводы, затем — один из ведущих главков наркомата, а с 1940 года работал заместителем наркома. Выглядел Мирзаханов чрезвычайно расстроенным.

— Что случилось, Илларион Аветович?

— Меня вызывал товарищ Сталин, — ответил он.

И рассказал о разговоре И. В. Сталина с П. Н. Горомыкиным, состоявшемся накануне. Сталин остро поставил вопрос о том, почему в начале войны наша армия оказалась без основных артиллерийских систем, имея в виду снятие с производства 45-мм и 76-мм пушек. Горемыкин разъяснил, что это было предложение главного артиллерийского управления наркомата обороны. Из-за возражений наркомата вооружения этот вопрос трижды рассматривался в ЦК ВКП(б) и был решен в пользу военных. Сталин потребовал представить предложения по исправлению положения, и в связи с этим был вызван И. А. Мирзаханов.

Илларион Аветович предупредил, что И. В. Сталин намеревается звонить мне. Долго ждать звонка не пришлось.

30 июля мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— В Государственный Комитет Обороны поступил доклад маршала Кулика о том, что для обеспечения артиллерийским вооружением вновь формируемых в первой половине августа стрелковых дивизий недостает триста тридцать 45-мм противотанковых пушек и двести 76-мм. Кулик пишет, что их можно получить только за счет увеличения поставок от промышленности. Других ресурсов нет.

Сталин умолк. В телефонной трубке было слышно его дыхание. Я терпеливо ждал, зная, что подобные паузы он делал нередко, обдумывая возникшую у него в связи со сказанным какую-либо новую мысль. И действительно, Сталин продолжил: — Совсем

недавно Кулик, да и Тимошенко докладывали мне совсем другое. Заверяли, что у нас орудий именно этих калибров хватит с избытком. Просили прекратить их производство... Но за это спрос с них. Вам, товарищ Устинов, нужно тщательно взвесить ваши возможности по увеличению поставок этих пушек армии. Сделайте это срочно и доложите мне лично.

Без точных и обоснованных расчетов идти к И. В. Сталину было нельзя. Он как-то подчеркнул, что теперь война и каждый нарком оборонной отрасли промышленности должен быть постоянно готов дать четкий ответ, сколько и какого вооружения у него есть сегодня, будет завтра и послезавтра. Наиболее важные данные Сталин заносил в небольшую записную книжку, которую постоянно держал при себе.

Подготовив необходимые материалы, я отправился на улицу Кирова, где в небольшом особняке находилась Ставка и работал Сталин. Заседания ГКО, Ставки и Политбюро ЦК происходили у него в кабинете без официальной процедуры окончания работы одного органа и начала работы другого.

Как видно, меня уже ждали, потому что А. Н. Поскребышев сразу же предложил мне пройти в кабинет.

После обычного приветствия Сталин сказал:

— Ну что же, товарищи, послушаем наркома вооружения, что он может доложить по противотанковой артиллерии.

— Промышленность вооружения, — начал я, — не сможет поставить войскам названное маршалом Куликом количество артиллерийских систем в указанный срок. Завод, который раньше выпускал 45-мм пушки, эвакуирован на восток. В пути еще находятся инструмент и оставшиеся после прекращения производства в январе этого года заготовки. На новом месте выпуск может начаться не раньше конца сентября.

— А почему не могут выполнить заказ заводы, которые не эвакуируются, в частности Еяна?

— Завод восстанавливает производство 76-мм дивизионной пушки УСВ, товарищ Сталин. Но в названный Куликом срок покрыть потребности фронта не сможем.

Я обосновал конкретные сроки ввода мощностей по производству 45-мм и 76-мм пушек на предприятиях наркомата и ориентировочные цифры наращивания общего объема их производства. Выслушав меня, Сталин довольно долго молчал, а затем, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Теперь ясно, что свертыванием перед войной налаженного производства орудий массового потребления еще до полного освоения идущих им на смену образцов мы допустили серьезную ошибку, можно сказать, непростительный просчет. Определить, когда точно начнется война, конечно, чрезвычайно трудно. Тем не менее наше решение было недальновидным. Пожалуй, теперь не время искать виновников. Нашим войскам нужны противотанковые средства. Поэтому надо любой ценой обеспечить их выпуск в достаточном количестве. Это сейчас главная задача. Я прошу наркомат вооружения и Госплан каждый месяц представлять график ежедневного выпуска противотанковых орудий по заводам. За выполнением графика будем следить и спрашивать строго.

Мне не раз приходилось докладывать И. В. Сталину о выполнении графиков выпуска продукции. На их нарушения он реагировал иногда довольно резко. Когда, например, в сентябре один из уральских заводов не выполнил заказ по выпуску орудий, Сталин тут же дал телеграмму директору завода и парторгу ЦК, строжайше предупредил их об ответственности. Эта телеграмма всколыхнула весь завод, и случаев нарушения графика больше не было.

Проекты постановлений ГКО о производстве 45-мм и 76-мм пушек разрабатывались нами на каждый месяц совместно с отделом вооружения Госплана. Выпуск орудий быстро рос. Уже в августе он в шесть, а в сентябре — в одиннадцать с половиной раз превысил показатели июля. Однако в октябре в связи с начавшейся эвакуацией производство несколько сократилось. Возникли трудности и в его планировании. Поэтому в ноябре Н. А. Вознесенский потребовал подготовить проект постановления на три месяца вперед. Рассмотрение этого проекта на заседании ГКО мне особенно запомнилось.

Уже месяц столица была на осадном положении. Кровопролитные бои шли на ближних подступах к Москве. Продолжалась эвакуация предприятий.

Сталин еще больше осунулся и ссутулился. Прочитав проект, он сказал:

— В первом абзаце надо указать, что производство противотанковых орудий имеет исключительное, подчеркиваю, исключительное значение для нашей армии. Запишите. А поскольку это так, нужно, кроме того, записать, что на привлекаемых к производству пушек заводах должны ежемесячно выделяться дополнительные централизованные фонды на каждого работающего: муки — 10 ки-

лограммов; крупы и рыбы по 2 килограмма; сахара — 1 килограмм; табаку — по 100 граммов. В закрытых столовых продавать по 200 граммов хлеба без карточек. — Он прошелся по кабинету, раскуривая трубку, и снова не спеша продиктовал:

— Вменить в обязанность секретарям обкомов: Свердловского — Андрианову, Сталинградского — Чуянову, Молотовского — Гусарову, Горьковского — Родионову, Удмуртского — Чекинову, Ярославского — Патоличеву — повседневно заниматься работой заводов, изготавливающих 45-миллиметровые противотанковые и 76-миллиметровые дивизионные пушки УСВ; оказывать всемерную помощь в выполнении указанного постановления и еженедельно докладывать ГКО о ходе выполнения программы.

Сталин подошел к столу, из-за моего плеча прочитал написанное и продолжил:

— Запишите еще один пункт. ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление.

Постановление было тут же перепечатано на машинке. Подписав его, Сталин сказал:

— Теперь принимайте меры к выполнению постановления. Докладывайте нам, как идет его реализация.

<...>

Большую роль в борьбе против танков врага в битве под Москвой и на других участках советско-германского фронта сыграли противотанковые ружья. Развертывание их массового производства осуществлялось в короткие сроки. Еще 16 июня, за неделю до начала войны, Н. А. Вознесенский поинтересовался, как продвигается доработка противотанкового ружья Н. В. Рукавишникова.

— Рукавишников жалуется, что ему ставят палки в колеса, — сказал Николай Алексеевич, — а испытатели будто бы преувеличивают недостатки системы и попросту придираются к ней. Так что разберитесь, Дмитрий Федорович.

Я попросил А. И. Барсукова, который в деталях знал все, что касалось создания противотанкового ружья, подготовить имевшиеся в наркомате материалы, в том числе акты полигонных испытаний и решение наркомата обороны. Побеседовали с самим

конструктором. Выяснилось, что после снятия с производства в конце июля 1940 года противотанкового ружья Н. В. Рукавишников продолжал работу над его усовершенствованием. Но последние полигонные испытания, проводившиеся 23 июня 1941 года, показали все еще значительный процент задержек при стрельбе. Требовалась дальнейшая доработка ружья.

Обо всем этом я доложил Н. А. Вознесенскому. Он попросил оказать Рукавишникову необходимую помощь, чтобы ускорить завершение работ. А вскоре о противотанковом ружье заговорил Сталин. Случилось это в начале июля, после одного из заседаний Государственного Комитета Оборона.

— Тимошенко и Кулик, — сказал Сталин, — обратились с просьбой срочно начать массовый выпуск противотанкового ружья Рукавишникова. — По тому, какой тяжелый взгляд был брошен в мою сторону, чувствовалось, как он сильно раздражен. — Наши бойцы героически дерутся с фашистскими танками, — продолжал Сталин, — применяя бутылки с горючей смесью и гранаты. Они вынуждены прибегать к таким средствам. Другого оружия ближнего боя у них нет. А оно могло быть! Могло, если бы наши военные в свое время более здраво подошли к оценке противотанкового ружья. Тогда они недооценили его возможности и переоценили броневую защиту немецких танков. Но сейчас мы знаем, что броня у большинства из них не превышает сорока миллиметров. Как раз для противотанкового ружья!

Сталин помолчал, потом обратился ко мне:

— Товарищ Устинов, скажите, можно ли начать выпуск противотанкового ружья Рукавишникова, и если можно, то сколько потребуется времени для налаживания производства?

— Выпуск ружья можно начать, товарищ Сталин, — ответил я. — Но сейчас оно проходит окончательную доводку после испытаний. Одновременно ведется подготовка технической документации и рабочих чертежей для массового производства на двух заводах. На это потребуется не меньше месяца.

— Учитывая важность задачи, — сказал Сталин, — поручите еще одному, а для надежности — двум конструкторам, пусть поработают так, чтобы в самое короткое время мы имели хорошее противотанковое ружье. Эта задача была поставлена перед конструкторами В. А. Дегтяревым и С. Г. Симоновым. Созданные ими в короткий срок — с момента получения задания и до первых пробных выстрелов прошло всего 22 дня — образцы ружей

успешно выдержали полигонные испытания, о чем я и доложил в середине августа Сталину. Он слушал с большим интересом, то и дело уточнял некоторые вопросы.

— Ружье Симонова, товарищ Сталин, самозарядное, в магазине пять патронов.

— Чем же оно отличается от ружья Рукавишникова? Ведь его ПТР тоже самозарядное, под пять патронов?

— Да, товарищ Сталин. Бронепробиваемость, баллистические, весовые и габаритные характеристики обеих ружей равноценны. Но ружье Симонова проще, легко разбирается на две части и в походном положении имеет меньшие габариты по длине. Оно обладает преимуществами перед ружьем Рукавишникова в разборке и сборке, в обнаружении и устранении задержек.

— Проще — это хорошо, — заметил Сталин. — Проще, значит, надежнее. На марше ружье Симонова смогут нести два солдата?

— Да, товарищ Сталин.

— Это тоже неплохо. А каковы оба эти ружья в стрельбе?

— Из того и другого сделано примерно одинаковое количество выстрелов — больше тысячи. Ружье Симонова не имело поломок, а в ружье Рукавишникова — две. Так что есть основания считать ружье Симонова более живучим.

— Вот видите? Это — результат простоты. Она имеет немало важное значение и в производстве, особенно массовом. Эту сторону дела вы тоже учли?

— Конечно, учли, товарищ Сталин. Число заводских деталей в ружье Симонова на треть меньше, чем в ружье Рукавишникова. На его изготовление требуется на 60 процентов меньше станко-часов и на 30 процентов — общего времени. Мы считаем целесообразным принять на вооружение противотанковое ружье Симонова и начать его массовое производство.

— Хорошо. А что у Дегтярева?

— Дегтярев изготовил однозарядное ружье. Оно легче магазинного, а бронепробиваемость имеет такую же. Ружье очень технологично, товарищ Сталин. Его можно почти целиком изготавливать на токарных станках. Массовый выпуск ружья Дегтярева мы можем организовать гораздо быстрее, чем магазинного. 29 августа образцы противотанковых ружей были представлены наркоматом вооружения совместно с наркоматом обороны в ГКО. Осмотр их членами ГКО и правительства проходил в Кремле. Пояснения давали сами конструкторы.

В тот же день оба образца противотанковых ружей были приняты на вооружение. Заводы наркомата получили задание срочно освоить и развернуть их массовое производство.

<...>

Конструкторы встретились с боевыми летчиками, воевавшими на самолетах, оснащенных пулеметами Березина. Выяснилось, что в целом оружием этим фронтовики довольны, но вот дырки в подбитых вражеских самолетах остаются мелковатые.

Так была еще раз подтверждена необходимость увеличения калибра авиационного вооружения. Об этом в середине июля, то есть примерно за две недели до моей встречи с конструкторами, говорил мне Сталин.

— Важно, — отметил он, — ускорить изготовление пробной серии 37-мм авиационных пушек Шпитального. Установка пушки такого калибра на наших самолетах позволит более эффективно бороться за господство в воздухе.

Решено было изготовить эту партию на заводе М. А. Иванова без разработки технологии и изготовления инструмента и приспособлений. Это давало выигрыш во времени и позволяло сократить срок до полутора месяцев.

Когда я доложил об этом Сталину, он недовольно хлопнул ладонью по столу и поднялся:

— Полтора месяца — слишком долго. — Сталин посмотрел на висевшие на стене портреты Суворова и Кутузова и спросил: — Вы, товарищ Устинов, знаете, как ценил время Суворов? «Деньги дороги, жизнь человеческая — еще дороже, а время дороже всего». Так он говорил. Думаю, что правильно. В условиях войны выигрыш времени имеет особое, часто решающее значение. Это вопрос достижения технического превосходства над противником. К создателям оружия он относится не в последнюю очередь. Надо, товарищ Устинов, хорошенько подумать, как нам сократить время изготовления опытной партии пушек до минимума.

— Можно, товарищ Сталин, изготовить 20 пушек в Туле параллельно с основным заводом. Тульский завод имеет опыт по изготовлению авиационных пушек. Это позволит выиграть время.

Сталин согласился с предложением, и мы сразу развернули работу.

Энергично взялся за дело Б. Г. Шпитальный. Борис Гаврилович был видным конструктором авиационного вооружения. Еще в довоенные годы он при участии И. А. Комарицкого создал ави-

авиационный пулемет, который по скорострельности превосходил все существовавшие прежде образцы подобного оружия. Вскоре совместно с С. В. Владимировым он сконструировал крупнокалиберный авиационный пулемет, а вслед за тем и 20-мм пушку. Перед самой войной он был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Опытные образцы 37-мм авиационных пушек были созданы досрочно. Установленные на самолетах ЛаГГ-3, они прошли первые войсковые испытания на фронте.

Бригада испытателей конструкторского бюро, выезжавшая на фронт, сообщила, что за пять боев было сбито семь вражеских самолетов. Кроме того, во время последнего боевого задания летчики вывели из строя пять средних танков. Б. Г. Шпитальный немедленно передал эти сведения И. В. Сталину. При этом он заключил, что 37-мм авиационная пушка является именно тем оружием, которое обеспечивает превосходство наших самолетов в стрельбе по воздушным, да и по наземным целям. Дело только за количеством пушек.

Сталин написал на докладной Шпитального:

«Т. Устинову. Нужно срочно поставить производство авиационных 37-мм пушек. Прошу сегодня ночью сообщить мне о принимаемых мерах. И. Сталин».

В ту же ночь я доложил Сталину о сроках развертывания серийного выпуска этих пушек.

<...>

Во второй половине декабря 1943 года И. В. Сталин вызвал в Кремль Малышева, Ванникова, Федоренко и меня. Поздоровавшись с нами, он указал на стулья, стоявшие у длинного стола. После того как мы разместились, Сталин высказал неудовлетворение ходом разработки и установки на танк Т-3485-мм пушки¹. Мы и сами знали, что дела здесь идут неважно. И тем не менее резкая оценка, которую давал им Сталин, была для нас крайне неприятной.

Естественно, слова здесь были бесполезны. Нужен был результат, и результат быстрый. А его пока не было. Ни один из разрабатываемых конструкторскими бюро образцов 85-мм орудия не мог быть запущен в производство без серьезных конструкторских доработок. Это было хорошо известно всем присутствующим, и мы сидели молча.

Вопросы нам И. В. Сталин не задавал.

Пройдя несколько раз по кабинету, он подошел к своему столу, взял с него какие-то листы и, повернувшись к нам, стал их читать вслух. Это оказалось письмо командира одной из дивизий действующей армии. И. В. Сталин особо выделил из этого письма то место, где сообщалось, что установленные на танках 45-мм и даже 76-мм пушки не эффективны для борьбы с танками противника, особенно с последними модификациями «тигров». «Тигры» практически нельзя бить в лоб, — писал комдив. — Приходится или пропускать их через себя и стрелять в корму, или вести огонь по танкам противника,двигающимся на соседей, то есть по борту. На танк Т-34 нужна более мощная пушка».

Следует отметить, что Сталин всегда внимательно относился к просьбам с фронта и принимал самые решительные меры по их удовлетворению. И на этот раз, закончив читать письмо, коротко бросил:

— 85-мм пушка должна быть установлена на танк Т-34. С начала следующего года надо выпускать его только с этой пушкой! Задача предельно ясна. Надо ее выполнять. Мы поднялись.

Сталин еще раз прошелся по кабинету и сказал:

— Отправляйтесь немедленно на завод. Для вас на Ярославском вокзале заказан вагон. Он будет прицеплен к очередному отходящему поезду. Не теряйте времени.

Мы вышли из кабинета.

До Нового года оставалось менее недели. А надо было решить множество инженерно-конструкторских и организационно-технологических проблем, причем решить быстро.

<...>

